

Газета «Дмитровский вестник» печатает серию статей о судьбах монахов Николо-Пешношского монастыря в эпоху гонений. На страницах газеты напечатаны жития прославленных четырех новомучеников Пешноши, составленные игуменом Дамаскиным, и добавлены новые, впервые увидевшие свет, сведения о прославленных и непрославленных страдальцах за веру. Предлагаем Вашему вниманию:

Монах Василий (Козлов Василий Григорьевич)

Год рождения - 1889. Место рождения - Московская губ., Клинский у., д. Бортниково.

Из крестьянской семьи. С 1910 г. служил на действительной службе фельдшером. С 1914 г. - фельдшер в действующей армии. До 1918 г. был в немецком плену, где брал у сектантов религиозную литературу и стал глубоко верующим. Когда Василий Григорьевич поступил в Николо-Пешношский монастырь, когда он стал монахом – неизвестно. В послужном списке монастыря за 1916 год он не значится. Известно, что в год закрытия монастыря – 1927 он был монахом. После закрытия монастыря он вел образ жизни странствующего монаха. О. Василий ходил по деревням и проповедовал Слово Божие.

Автор условно называет его о. Василием, так написано в документе ПСТГУ. Его монашеское имя точно не известно, может быть, при пострижении ему и оставили имя, которое он носил в миру.

С 1928 г., из-за угрозы ареста, о. Василий стал избегать знакомых, не задерживался долго на одном месте. Ходил он по земле древнего Тверского княжества, которое частично теперь отошло к Клинскому и Дмитровскому району Московской области.

Тверской уроженец, писатель Василий Никифоров-Волгин в книге «Дорожный посох» описывает жизнь странствующего священника того времени. Приведем фрагменты из этой книги:

«Я иду по большой дороге. На мне полупальтишко, солдатские сапоги с подковками, барашковая шапка. За плечами две сумы. В одной Запасные Дары, Евангелие, деревянная чаша, служебник да требник, а в другой - сапожный инструмент. На груди у меня в особой ладонке антиминос. В руке березовый посох. Я стал священником-странником. Ноги мои для ходьбы оказались легкими. Земля вечерела. Надо покоя искать. Но куда Господь направит стопы моя? Проходя вересковыми тропинками, увидел я бревенчатый дом - Не приютят ли меня? Стучу посохом по окну. Никто не откликается. Выбежал откуда-то кот, сел на крыльцо и смотрит на меня. Он кольнул меня скорбным человеческим взглядом. Я погладил его, и он прижиматься ко мне стал и жалобно мяукать.

Еще раз постучал в окно, и опять неоткликаемая и, как мне показалось, неживая тишина. Я решился открыть дверь. Вхожу в избу. Озираюсь и вижу... На полу лежит зеленый от зеленых сумерек мертвый человек в холщовой рубахе и солдатских шароварах, босый... На шее чернел медный крестьянский крестик. На волосатой голове кровь в сгустках. Рядом подсвечник с выпавшей свечою и железный шкворень. Я перекрестил усопшего, сходил к колодцу за водою, обмыл его, чин отпевания совершил...

Неподалеку, в песчанике, яму вырыл, укутал тело холстиною и волоком вытащил из избы (какая тяга: мертвое человеческое тело — сырая земля!). Я переночевал в сенях, на соломе. В ногах у меня кот лежал. Со зверем было повадно. С восходными зорями я дальше пошел.

Над полями витает паутина - пряжа Богородицы. Вся трава перевита серебрецой, словно морозная. И до чего это народ русский умильный выдумщик! Ведь надумает же: Богородица прядет пряжу! И все это у него поэзия! И не какая-нибудь, а высокая, духоносная! Вспомнить лишь названия Богородичных икон, кои он приукрасил и увенчал: Неувядаемый Цвет, Взыскание погибших, Купина Неопалимая, Нечаянная Радость, Утоли моя печали, Всех скорбящих Радость... А какие слова, песни да присказки! Надо иметь невместимую душу, ширше облака (изъяснясь словами акафиста), упоенную и творящую душу, чтобы все это выразить... Великий он поэт!

...Спускаюсь под гору. Весь я в солнце. Иду и напеваю богородичный канон: “Отверзу уста моя...” И вот вижу я лужайку, а на ней тела лежат рядами. И воронье над ними. Трупы раздеты и разуты. Никого кругом - широкое в холмах да взгорьях поле. Я отпел убиенных. Посыпал их перстию: “Господня есть земля и исполнение...”

Долго поджидал у дороги людей, чтобы кликнуть их и упросить предать земле усопших. Но на дороге было пусто. Иду я и ни единого жилья не встречаю, а уже ночь наступает темная да студеная. И ветер поднялся дюжий такой, настоящий степной русский ветер. Никогда такой древней не кажется земля, как при ночном ветре среди поля. Набрел я на сенной сарай. Ветер был такой силы, что заснуть я никак не мог. Слушал его и думал о русской земле. Думы мои о ней до того замучили, что я спасался лишь бессчетным повторением вслух от всего спасающей молитвы Иисусовой: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго".

Может быть, этот фрагмент, более чем сухие факты, передаст нам ощущение того времени, в котором пришлось Василию Григорьевичу топтать землю русскую. И совсем недолго.

Уже в 1931 году 2 сентября его арестовывают, а 13.11.1931 года «тройка» при ПП ОГПУ СССР по Московской обл. осуждает по ст. 58-10 УК РСФСР. Обвинение при осуждении: Антисоветская агитация и распространение ложных слухов о проводимых Советской властью гонениях на религию и о скором пришествии Антихриста". Приговор - 10 лет концлагерей. Групповое дело "дело монаха Козлова В.Г. и иеромонаха Аристарха (Заглодина-Кокорева). Московская о., 1931г."

Из протоколов допросов Козлова:

"Колхозы - организации богопротивные, ведут к разорению народному" -"Патриарх Тихон вполне правильно предал большевиков анафеме, а дальнейшее покаяние его перед Советской властью является вынужденным в условиях тюрьмы".

- "Я считаю себя сторонником царского строя, т.к. царь - помазанник Божий". - "Я считаю своей обязанностью вести активную борьбу против Советской власти везде, где можно. Так должен поступать каждый христианин, ибо за страдания, перенесенные от этой власти, Бог даст награду". В протоколах допросов написано, что Козлов говорил: "Существует всемирный массонский заговор - не позже 1931 г. наступит царство мессии, тогда будет создана всемирная еврейская монархия". На допросах Василий Козлов показал: "Хорошо помню следующих монахов Николаевского Песношского монастыря: игумена Варнаву (Жукова), иеродиакона Никандра, иеромонаха Аристоклия, монаха

Монах Василий (Козлов)

Автор: Татьяна Ананьева
14.09.2010 17:33

Николая Мясникова, иеромонаха Анастасия, епископа Серафима (Звездинского), иеромонахов Аристарха и Варсонофия, иеромонаха Иосафа, монаха Пахомия».

По всем этим людям были тут же сделаны запросы об их местонахождении, а после получения их адресов - срочно разосланы письма с требованием срочно произвести обыск, арест и их отправку со всеми материалами в ОГПУ по Московской области.

Иеромонах Аристарх (Заглодин-Кокорев Александр Федорович) был арестован и осужден на 3 года ИТЛ по тому же делу, что и Василий Григорьевич Козлов. Остальные названные Василием Козловым священнослужители к тому времени или умерли, или уже были репрессированы ранее. Будем надеяться, что это был прием – говорить «органам» об умерших и арестованных.

Сам он был заключен в 1931 году в Свирский ИТЛ, куда был отправлен этапом. Козлов Василий Григорьевич, 1889 г. р., уроженец д. Бортниково Калининского р-на Московской обл. особой тройкой УНКВД ЛО 19 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинграде 24 декабря 1937 г. Реабилитирован в 1990 году 30 января по 1931 году прокурором Московской обл.